

Виктор Кротов

СЕГОДНЯШНИЙ ЯЗЫК ВЕЧНОСТИ

Свободные трёхстишия

Виктор Гаврилович Кротов

Сегодняшний язык вечности.

Свободные трёхстишия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618610

ISBN 9785448330926

Аннотация

Вечность, в каком-то смысле, – символ общей устремлённости поэзии. Но символ, особенно значительный для жанра трёхстиший. Небольшое словесное пространство, свойственное свободному трёхстишию, побуждает к углублённости смысла, концентрации образа, музыкальности фразы. Вечность – неуловимое понятие. Никто из нас не обладает каким-либо стопроцентным знанием о ней, но мне кажется, что всякий человек полон намёками на её существование, на её причастность к нашей жизни.

Содержание

От автора	5
Люди	6
Рядом с отцом	14
На свидание	15
Явас	16
В поселковом клубе	17
Комната номер 4	18
Шмон	20
Двухтысячная осень	21
1. Конец сентября, октябрь	22
Утро. Дорога от метро	22
Осенний мотив	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Сегодняшний
язык вечности
Свободные трёхстишия**

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3092-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Каптерева:

«Солнце над Крымом».

От автора

Несмотря на то, что трёхстиший набралось довольно много, каждое из них становилось для меня отдельным событием. Иногда таких событий не случалось по несколько месяцев. Иногда они обрушивались лавиной. Бывало и так, что на какой-то период трёхстишия становились самостоятельным языком мировосприятия. В этой книге представлен один из самых цельных периодов такого рода. Но к нему добавлены и циклы из других времён моего тридцатилетия трёхстиший, так что мы ещё раз прогуляемся по нему целиком.

Наивно и самоуверенно было бы считать любое своё трёхстишие написанным языком вечности. Это лишь символ общей устремлённости поэзии. Но символ, особенно значительный для данного жанра. Небольшое словесное пространство, свойственное свободному трёхстишию, побуждает к углублённости смысла, концентрации образа, музыкальности фразы.

Вечность – неуловимое понятие. Никто из нас не обладает каким-либо стопроцентным знанием о ней, но мне кажется, что всякий человек полон намёками на её существование, на её причастность к нашей жизни.

Люди

Трёхстишие – не описательный жанр. Если люди для нас – «они», то мы будем разглядывать их холодно и отстранённо, даже если в нас и шевелится какое-то сочувствие. Если люди – это «мы», то всякая человеческая судьба воспринимается как часть общечеловеческой судьбы, а значит и нашей собственной. И тогда общение с каждым человеком подводит нас к сегодняшнему языку вечности.

Здесь собраны стихи 1973—1992 годов. Но это ведь тоже – как один день...

* * *

Уносимые одним течением
надолго ли мы рядом,
бросив свои вёсла?

* * *

Улыбнись старику.
Погрусти с ним.
Предложи партию в шахматы.

* * *

Удивляемся, что нас не любят,
и – вне себя от удивления и восторга,
кого-то полюбив.

* * *

Своим взглядам – как балованным детям —
мы позволяем
куда больше, чем самим себе.

* * *

Погрузился в презрение.
И стал беднее сороки,
радующейся всякому блеску.

* * *

Только б не быть мне открывателем закона
о том, что любовь
обратно пропорциональна квадрату информации.

* * *

Нас толкают, калеча, друг к другу,
а мы вырываемся.
Чтобы идти рядом.

* * *

У кого «люблю» звякает разменной монеткой.
Кто знать не знает этого слова.
А для кого это дыхание полной грудью.

* * *

Да нет, вовсе не за праздник.
За вас, мои милые,
с кем дадено его встретить.

* * *

Чем намагнитить сердце,
чтобы научить его поворачиваться
к полюсу несчастья?

* * *

Где ты?.. Где ты?..

Где ты?.. – Зов неприкаянных,
где второе слово важнее первого.

* * *

Мои детишки, мои любимые,
хочется научить вас любви —
и стать счастливым учебным пособием.

* * *

Сказать... да любую пустяковину...
и услышать в ответ неважно что...
В ответ! в ответ!..

* * *

Горе грубо и нетерпеливо бросает друг к другу.
Но ласковая зыбь разносит в стороны
и укачивает каждого по-своему.

* * *

Телефон звенит и звенит.
Всё равно кто... Всё равно зачем...
А если из прошлого? если из будущего?

* * *

Кто как, а я с умилением взираю
на романтиков, с умилением взирающих
на два сросшихся дерева.

* * *

Наш пещерный, косматый мир!
Где достаточно быть рядом,
а быть вместе – что это такое?

* * *

Танец приходов и уходов...
Признайся, когда ты счастливее:
когдаходишь в свой дом или выходишь?

* * *

Страсть играет в любовь,
самозабвенно и пылко играет в рабство,
мечтая стать рабовладельцем.

* * *

Свет полон несусветных соответствий.
И суетливых стараний
свести их воедино.

* * *

Самое странное слово: «мы» —
для разъединённых фальшивое,
для соединённых лишнее.

* * *

Страшно ничего не ждущему.
Страшно ожидающему всего.
Они так боятся друг друга.

* * *

Узаконенность чувств унизительна, если
немножко веришь в законы
и немножко не доверяешь чувствам.

* * *

Безответная любовь
так безответственна,
а кто за неё в ответе – неясно.

* * *

По ночному пространству
стежки электрички,
сшивающей лоскуты пространства и времени.

* * *

Верно ли – не предавать предавшего,
надеясь, что он изменит своей измене?
Или лучше подальше, чтобы не заразиться?..

* * *

Белая ночь разводит мосты
и сводит людей, глядящих в небо.
Волнуется – и брызги стекают по граниту.

* * *

Расставлять точки над «і» просто,
если они чистые и не скользкие.
А иначе умаешься.

* * *

Ощутить себя остриём иглы,
сшивающей лоскуты жизни.
Проникать, чтобы соединить.

Рядом с отцом

Отец мой, Гавриил Яковлевич Кротов, был самобытным и активным педагогом. Логика советской эпохи загнала его в лагерь на семнадцать с половиной лет. Даже когда он вышел, лагерь снился ему до конца жизни. А мне до сих пор помнятся наши свидания: трое суток в году, на протяжении которых мы пытались восполнить то общение, которого нам обоим не хватало.

Среди стихов этого цикла есть и написанные в 1974 году, когда до освобождения отцу оставалось ещё два года, и в 1988 году, когда уже прошло несколько лет после его смерти.

На свидание

Он рядом – родной мой попутчик.
Его взгляд и рука – со мной,
на пути к нему.

* * *

В трёхвагонном поезде, как в ковчеге:
кто на свидание, кто на службу, кто отсидел.
Общее дыхание – узорами на стеклах.¹

¹ В трёхвагонном поезде – тогда от Потьмы до Яваса ходил такой местный поезд.

Явас

Это ж надо – какое название!
Как было бы смешно,
если бы не дорога – от лагеря к лагерю.²

* * *

Вышки, овчарки, охранники.
Горы паутиной проволоки у забора.
Тихо, как в деревне.

² *Явас* – посёлок, в окрестностях которого было несколько лагерей. Лагеря были направо и налево от ведущей к нему железной дороги.

В поселковом клубе

*Стены этого клуба разрисованы отцом
по мотивам русской истории.*

Меня привёл туда приветливый замполит.

Не осталось даже пустого простенка,
где кто-нибудь когда-нибудь нарисовал бы
тебя с красками – под конвоем.

* * *

Мордовский мороз, колючая проволока.
Радио разносит по бараку
вольнолюбивую поэзию декабристов.

* * *

Встреча двух болтливых сверчков
в квадратной раковине
внимательного уха.

Комната номер 4

Накурено и жарко.
Но эти светлые глаза
несут свежесть и ветер.

* * *

Громадную яичницу с салом
пододвигает ко мне исхудавшая рука.
– Ешь, сынок, а я посмотрю.

* * *

Трое суток на свидание с отцом.
Он – год готовился.
Мне – год вспоминать и обдумывать.

* * *

Столько порассказано, что не хочется жить.
Не хочется жить просто так.
Только по-настоящему.

* * *

Ты оторвал карман от полосатой куртки
и протянул мне – на память.

На память о том, чего не забыть.³

³ *Полосатая куртка* – в полосатой одежде ходили заключённый лагерей особо строгого режима.

Шмон

Снимаю сапоги, разматываю портянки.

Что они ищут? чего боятся?

В какой я стране? в какой эпохе?⁴

* * *

Иду от лагеря по узкоколейке.

Вокруг зимний лес, тьма и безлюдье.

Здесь уже не страшно.

* * *

Падают снежинки дней и недель.

Пушистые сугробы воспоминаний
о часах и минутах зимней встречи.

⁴ *Шмон* – обыск. Точнее, «личный досмотр», когда прощупывали всё, что с тобой и что на тебе.

Двухтысячная осень

Как легко догадаться, все эти стихи написаны осенью 2000 года. Дело не в магическом обаянии числа с тремя нулями, а в том, что именно тогда у меня вдруг оказалось свободным (от другой сочинительской деятельности) время ходьбы от дома до метро и от метро до работы. И оно оказалось временем для свободных трёхстиший.

1. Конец сентября, октябрь

* * *

Тёплый взгляд сентябрьского солнца.
Жаль, подмигивать не умеет.
А вот я ему подмигну.

* * *

Он так любил собак
за несказанную радость —
пройти мимо некушленным!..

Утро. Дорога от метро

Нежусь под последним солнышком,
как философичный пёс
(правда, бегущий на работу).

* * *

Можно пройти короче:

через поле, где мальчишки гоняют мяч,
среди пыли и ругани.

* * *

Золотистая погода.
Солнечный мостик от сентября к октябрю.
Подарок нам – как и всё остальное.

Осенний мотив

Стая солнечных листьев
долго летала надо мной,
поднятая порывом ветра.

* * *

Седина осеннего инея
на зелёной траве,
готовой пережить и зиму.

* * *

Как мягко ходить нам
по тем прекрасным листьям,

которыми вчера любовались.

* * *

Эх, туман перед глазами...

Да и вообще туман...

Ах, как необычно!..

* * *

Вот это туманище!..

Ходим в облаке,

как небожители.

* * *

Золотые фонарные лампы.

Золотые листья.

Зал осенних прогулок.

* * *

Идём с дочкой по ипподрому,

вдыхая запах конюшен,

улыбаясь конюхам и лошадям.

* * *

Никакая метеослужба не угадает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.